

ГИЛБЕРТ РАЙЛ И ФЕНОМЕНОЛОГИЯ

Предисловие к публикации

Гилберт Райл – один из немногих представителей аналитической традиции, живо интересовавшийся современной ему «континентальной» философией, и прежде всего немецкой феноменологией. Об этом свидетельствует, в частности, публикуемая ниже рецензия на *Бытие и время* (1929). Немецкий исследователь философии Хайдеггера и ранней аналитической философии Т. Ренч пишет: «Работа Райла в течение всей его жизни протекала под знаком аналитической рецепции феноменологии, и с самого начала его занимала дискуссия (*Auseinandersetzung*) с Хайдеггером»¹. Первая часть этого тезиса представляется несомненной. В самом деле, достаточно указать на тот факт, что в статье *Феноменология versus «Понятие сознания»* (1962) Г. Райл ретроспективно характеризует свою главную работу *Понятие сознания* как «феноменологическое эссе»². Довольно неожиданная самоинтерпретация, если учесть, что его отношение к феноменологии всегда было весьма критическим³, но, как бы то ни было, это явное признание того факта, что «*Auseinandersetzung*» (во всех смыслах этого непереводаемого слова) с феноменологией существенно повлияли на мышление и философское самосознание Райла. (Отметим также красноречивое название статьи.) Однако здесь следует иметь в виду, что для Райла феноменология была представлена прежде всего Brentano и Husserl (подробнее об этом речь пойдёт ниже). Поэтому вторая часть тезиса Т. Ренча представляется менее убедительной: не только по причине отсутствия отсылок, пусть даже косвенных, к Хайдеггеру в основных работах Райла, но прежде всего потому, что, как будет показано ниже, Райл воспринял Хайдеггера как ученика и продолжателя дела Гуссерля, не заметив, что в *Бытии и времени* представлена совершенно иная «феноменология». Полемизируя с Хайдеггером, Райл, по сути дела, полемизирует с Гуссерлем.

Однако публикуемый текст интересен не только как памятник непонимания: дело в том, что это *непонимание под знаком конгенитальности*. Между «феноменологией» Райла и (незамеченной им) «феноменологией» Хайдеггера существуют определённые параллели, позволяющие говорить о единой «феноменологии», представленной – конечно, в совершенно разных манерах, на разных языках и применительно к разным задачам – в работах обоих мыслителей. Прежде всего, это конститутивная для феноменологии как таковой установка на деструкцию интеллектуальных предрассудков⁴ и методическая ориентация на повседневность (в случае Райла – в «ипостаси»

повседневного языка), открывающая возможность нового начала философствования и нового доступа к «самим вещам».

В данном очерке я затрону следующие аспекты данной темы: а) Райлово понимание философии и размежевание с феноменологией Гуссерля; в) гуссерлианизирующая интерпретация Райлом *Бытия и времени*; с) основные черты феноменологии Хайдеггера–Райла.

А.

В понимании философии Райл солидарен с Витгенштейном: её задача – не описание особых «философских» предметов, но прояснение логической структуры речи (будь то научной или повседневной) о предметах обычных. Соответственно, продукт философского мышления – это не «теория», но понимание «логического поведения» того или иного конкретного языкового выражения в том или ином конкретном контексте и – в критическом аспекте – устранение логических несообразностей, порождаемых некорректным использованием понятий и порождающих, в свою очередь, неразрешимые интеллектуальные апории.⁵ Этим обусловлен интерес Райла к феноменологии, для которой одним из исходных различий является различие между вещью в её эмпирических характеристиках и мыслью в её логической структуре; в терминах Гуссерля – между «связью вещей» и «связью истин». Однако в феноменологии (в смысле феноменологии сознания) это различие разрабатывается, по Райлу, в ложном направлении, и он дистанцируется от неё по меньшей мере по двум основаниям.

Во-первых, Райл отвергает притязания Гуссерля на формирование новой науки, имеющей свою собственную предметную сферу, которой соответствуют специфические познавательные способности, такие как, например, сущностное усмотрение. Тем более для Райла неприемлемы мессианские притязания феноменологии на статус сверхнауки, полагающей смысловую базис всех прочих наук. Конечно, главное возражение Райла Гуссерлю связано не столько с его завышенными институциональными притязаниями, сколько с мотивацией – с представлением о существовании особой предметной сферы, которое затемняет и нивелирует собственно философскую работу по прояснению мышления. Различие между вещью и мыслью не должно нивелироваться в реифицирующей трактовке мысли как квазиобъекта философской квазинауки.

Во-вторых, Райл и Гуссерль занимают противоположные позиции в философии сознания: главная работа Райла (*Понятие сознания*) посвящена деструкции идеи сознания как отдельной онтической единицы (субстанции), и для него, конечно, неприемлема субъективистская ориентация Гуссерля на абсолютное сознание как смысло-учреждающую инстанцию. Кроме того, проблематика сознания, по Райлу, – это не более чем одна из возможных тем философского исследования: её привилегированное положение в феноменологии является результатом некорректного понимания специфики философского мышления.

В.

Как уже было отмечено, Райл воспринимает *Бытие и время* как вариант/разработку гуссерлевской *феноменологии сознания*. В публикуемой рецензии об этом свидетельствуют прежде всего следующие моменты.

Во-первых, задачу феноменологии Райл, с подачи Гуссерля, понимает как «анализ состояний и актов сознания», применяя эту формулировку также в критике *радикально десубъективизированной* феноменологии Хайдеггера. В связи с этим бросается в глаза «насилственность» перевода хайдеггеровского термина «Dasein» как «Я» (I): здесь Райл игнорирует явные тезисы Хайдеггера, трактующие Я как производный модус «Кто» вот-бытия (Dasein) – как эпифеномен определённых форм его существования (*Бытие и время*, § 25).

Во-вторых, Райл не проводит различия между гуссерлевскими *семантическими* понятиями значения и смысла, с одной стороны, и хайдеггеровским *онтологическим* понятием «смысла бытия» – с другой, интерпретируя последнее в свете (по существу, принципиально невозможной) «гуссерлевско-хайдеггеровской трактовки значения». Аргорос: с игнорированием этих различий связано нивелирующее употребление Райлом терминов «experience» и «meaning» применительно как к Гуссерлю, так и к Хайдеггеру – при том, что сам он приводит специфически гуссерлевские эквиваленты этих терминов: соответственно «Erlebnis» (переживание) и «Bedeutung» (значение).

Наконец, *в-третьих*, Райл, очевидно, недооценивает радикальность хайдеггеровской попытки *фундировать онтологию наличного в повседневном «бытии-в-мире»*. Об этом свидетельствует один из его критических аргументов против Хайдеггера: «...Основная характеристика нашего сознательного бытия как “бытия-в-мире”, без сомнения, подразумевает, что знание лежит в основе всех прочих наших реакций и установок. Мы “имеем” мир или мы “пребываем в мире”, только если знаем, что существует по меньшей мере одно “нечто”»⁶. Здесь Райл, очевидно, понимает «мир» как совокупность вещей, а их «существование» – в терминологии Хайдеггера – как наличие. «Знание», о котором Райл говорит в этом пассаже, выражается в экзистенциальном (в логическом смысле) суждении «X существует», которое требует эмпирического обоснования и, соответственно, имеет объективирующий характер. Таким образом, Райл ставит бытие *мира* в зависимость от суждения о существовании того или иного наличного *объекта*, что явным образом противоречит хайдеггеровскому определению мира как структуры повседневного существования, которое *фундирует* объективирующее знание об объектах, но *не предполагает* его.

С.

В заключение отмечу три общие черты исследований Хайдеггера и Райла, позволяющие, на мой взгляд, говорить о единой для них стратегии философского мышления.⁷

1. *Тематизация повседневной жизни* («обыденного языка») как первичной по отношению к сфере объективного знания, выражаемого в искусственных терминологических языках науки. Логико-семантические исследования Райла в значительной мере представляют собой анализ «логического поведения» выражений повседневного языка; при этом методическое обращение «к тому, что мы говорим и не говорим или можем и не можем сказать»⁸, связано с принципиальным тезисом о невозможности формализации логического строя повседневной речи, а значит, её перевода на какой бы то ни было искусственный терминологический язык.⁹ Как Хайдеггер, так и Райл предпринимают «перереформатирование» проблематики философского мышления, и оба при этом опираются на анализ повседневности как самостоятельной смысловой сферы.

2. *Холистическая трактовка повседневного мира/языка*: подобно тому как мир, по Хайдеггеру, следует понимать не как совокупность изолированных объектов, но как единый феномен «бытие-в-мире», язык в понимании Райла представляет собой единое целое, охватывающее всю повседневную жизнь. В методическом плане это означает, что исследование того или иного выражения или понятия возможно только как исследование целостной языковой практики (или семейства практик), в которой оно используется. «Понятия — это не вещи, кристаллизующиеся в блестящей изоляции; они представляют собой различимые черты, но не отделяемые атомы, того, что целостным образом выражено или помыслено... Исследовать их — значит исследовать живую силу вещей, о которых мы на самом деле говорим. Это значит — исследовать их не по отдельности, а в их совместной работе».¹⁰ Любопытную параллель этой установки представляет собой хайдеггеровский тезис о зависимости смысла языкового выражения от практического контекста, в котором оно высказывается (см., например, анализ смысла предложения «Молоток тяжёл» в § 33 *Бытия и времени*¹¹).

3. Весьма показательна также общая для Хайдеггера и Райла *критика опредмечивающих и абсолютизирующих трактовок субъективности*, основанная на её тематизации в качестве эффекта (продукта) определённых форм повседневной жизни. Здесь можно указать на параллельный ход хайдеггеровского анализа феномена «Кто» (*Бытие и время*, часть I, глава 4¹²) и райловского исследования понятий «Я», «самость» и т. п. в главе 6 *Понятия сознания*¹³. Отмечая различие между ранними работами Райла (периода написания рецензии на *Бытие и время*, когда он занимал картезианскую позицию в философии сознания) и *Понятием сознания*, Т. Ренч пишет: «Теперь [в *Понятии сознания*, т. е. через 20 лет после публикации рецензии на *Бытие и время*. — Е. Б.] он следует хайдеггеровской критике онто-

логии наличного, которая понимает человеческое бытие в нивелирующих объективирующих категориях и тем самым приравнивает его «природе» естественных наук»¹⁴. Стоит отметить также райловский тезис о «практическом» характере знания («знания-как»), которое может быть описано без использования понятия субъекта, и о его приоритете по отношению к теоретическому знанию («знанию-что»), существующему в рамках субъект-объектных отношений.¹⁵ На мой взгляд, понятие практического знания в райловском смысле является точным эквивалентом хайдеггеровского понятия «*Vertrautheit*» – изначального (предшествующего «познанию» как специальной субъективной деятельности) знакомства с миром.

Думаю, этого эскизного сопоставления «феноменологических» проектов Хайдеггера и Райла достаточно, чтобы рассматривать их соотношение как комплементарное: наметив онтологический базис теории значения (наиболее эксплицитно в § 18 *Бытия и времени*), Хайдеггер, однако, не предпринимает специальных семантических исследований. С другой стороны, в работах Райла, посвящённых семантике повседневного языка, онтология повседневной жизни присутствует лишь имплицитно, однако в основных чертах совпадает с хайдеггеровским учением о «бытии-в-мире». Существенно также, что оба мыслителя приходят к идентичным результатам в «деструкции» новоевропейских философских предрассудков, прежде всего представления об онтологически изначальном статусе субъект-объектной оппозиции и эпистемологически фундаментальном статусе объективирующего познания.

Примечания

- ¹ Rentsch Th. *Heidegger und Wittgenstein. Existential- und Sprachanalysen zu den Grundlagen philosophischer Anthropologie*. Stuttgart, 2003. S. 104.
- ² Райл Г. *Феноменология против «Понятия сознания»* // Логос. 2006. № 1(52). С. 81.
- ³ В публикуемой рецензии Райл говорит, что, по его мнению, «феноменология как первая философия движется сегодня к банкротству и катастрофе...» (см. наст. изд., с. 115). Это мнение осталось в силе и в 1962 г. В указанной статье Райл пишет: «Выбранный Гуссерлем путь завел его в безвыходный тупик...» (Райл Г. Указ. соч. С. 74).
- ⁴ Для Райла «деструкция истории онтологии» была, наверное, главным делом: логико-семантический анализ языка в его основных работах – *Понятие сознания и Дилеммы* – всегда разворачивается на конкретном материале – применительно к той или иной традиционной апории. «Чистое» концептуальным или методологическим выкладкам в его наследии посвящено сравнительно небольшое количество статей.
- ⁵ Эта программа наиболее отчетливо представлена в статье *Категории* (1938) (см.: Райл Г. *Понятие сознания*. М., 1999. С. 323–338). Здесь философское высказывание определяется как «категориальное высказывание», которое, по Райлу, всегда имеет форму категориального различия (выражения *a* и *b* принадлежат разным категориям). Соответственно, цель логико-семантического анализа языка можно определить как проведение категориальных различий и – в критическом аспекте – удаление

ние «категориальных ошибок», проистекающих из неправомерного отождествления категорий.

⁶ См. наст. изд., с. 114.

⁷ В этом очерке речь идёт только о «фундаментальной онтологии» Хайдеггера. При этом здесь не затрагивается ряд различий между ранним Хайдеггером и Райлом, например, хайдеггеровское различие собственного и несобственного существования, не имеющее соответствия в исследованиях Райла.

⁸ Райл Г. *Обыденный язык* // Райл Г. *Понятие сознания*. М., 1999. С. 354.

⁹ Помимо упомянутой статьи *Обыденный язык*, этот тезис подробно развернут в главе «Формальная и неформальная логика» работы *Дилеммы* (см.: Ryle G. *Dilemmas*. Cambridge, 2002. P. 111–129). На мой взгляд, сравнение хайдеггеровского понятия логоса и райловской идеи «неформальной логики» могло бы существенно способствовать компаративному сопоставлению феноменолого-герменевтической философии и «философии повседневного языка».

¹⁰ См.: Райл Г. *Феноменология против «Понятия сознания»*... С. 78.

¹¹ Heidegger M. *Sein und Zeit*. Tübingen, 1986. S. 157. В русском переводе: Хайдеггер М. *Бытие и время*. М., 1997. С. 157.

¹² Там же. S. 114–129.

¹³ Райл Г. *Понятие сознания*. М., 2000. С. 157–196.

¹⁴ Rentsch Th. Op. cit. S. 105–106.

¹⁵ Райл Г. *Понятие сознания*... Гл. 1. Этот вопрос я подробнее рассмотрел в: Борисов Е. *Деструкция субъективизма в философии М. Хайдеггера и Л. Витгенштейна* // *Топос*. 2006. № 1(12). С. 16–22.

Евгений Борисов